

**ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ
ВОИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
PSYCHOLOGICAL SUPPORT MILITARY ACTIVITY**

УДК 159.99

DOI: 10.25629/RMPJ.2025.01.06

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И МОРФОФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И СОТРУДНИКОВ
СИЛОВЫХ СТРУКТУР**

Галюкова М.И., Галюков И.А.

Уральский государственный университет физической культуры

Аннотация

Морфофункциональная основа поведения является одной из сложнейших тем нейропсихологии. Знания нейротопографии и её взаимосвязь с психологическими процессами высшей нервной деятельности позволяют не только с большой точностью оценивать характерологические особенности личности, но и расширять в целом знания о возможностях человека. В практическом значении знания морфофункциональных аспектов психологии позволяют глубже понять акцентуации личности и девиации, а в ряде случаев при изменении характера и поведения человека определить возникающую патологию в центральной нервной системе. Особое значение исследование поведения человека имеет при прогнозировании риска самоубийства. Профилактика суицидального поведения среди военнослужащих и сотрудников силовых структур имеет не только социально-правовое, но и криминологическое значение. Превентивная концентрация внимания на малых стигмах поведения человека может не только своевременно диагностировать грубую неврологическую или психиатрическую патологию, но и избежать необоснованного обвинения командиров воинских частей, личного состава в склонении к самоубийству конкретного лица, провокаций в адрес силовых подразделений и применения оружия в целях самообороны.

Ключевые слова

суицид, военнослужащие, силовые структуры, психическое здоровье, преступление, морфофункциональная основа поведения, локализация функций, участки орбитофронтальной коры, лимбическая система, гиппокамповая формация, синаптические связи, эмоции, память

Об авторах

Галюкова Мария Игоревна, кандидат юридических наук, доцент, ORCID: 0000-0002-3719-1707

Галюков Игорь Анатольевич, доктор медицинских наук, доцент, профессор кафедры спортивной медицины и физической реабилитации Уральского государственного университета физической культуры, ORCID: 0000-002-5517-293X, e-mail: 753825777@mail.ru

Введение

На протяжении многих веков человечество интересовал вопрос о роли мозгового субстрата в психической и криминологической деятельности. На сегодняшний день принято считать, что психическая деятельность мозговых структур позволяет обеспечивать приспособительный характер процесса организма к внешней, а у человека и к социальной среде. В этой связи очень важно найти поведенческие связи между мыслительной деятельностью, асоциальным поведением и суицидальными наклонностями. В структуре психологической деятельности человека поведенческий процесс представляет собой итог отображения окружающей действительности в морфо-нейропсихологической структуре головного мозга, при этом в системной взаимосвязи и конструктивном взаимодействии оказывается центральная нервная система и высшая нервная деятельность. В этом процессе участвуют специфические психические функции человека, в том числе: память, внимание, мышление, восприятие, воображение, речь. Все они имеют четко очерченное представительство в центральной нервной системе человека. Несмотря на то, что основные составляющие поведенческого процесса человека изучены, тем не менее на сегодняшний момент не существует топики-нейропсихологического описания этого процесса. Кроме того, мы не встретили работ, позволяющих одновременно интерпретировать социальные, психологические и нейро-функциональные процессы, происходящие внутри личностном пространстве и трансформирующиеся в суицид.

В последнее время, объектом научного исследования становятся подростки, развивающиеся изолированно от офлайн общества и постоянно находящиеся в киберпространстве либо виртуальной цифровой среде [23]. В поле зрения психиатров и криминологов находятся так же возрастные лица (60 – 90 лет), которые совершают самоубийства по причинам, не связанным с болезнью. Однако, есть группа граждан, которые относятся к группе высокого риска по суициду – военнослужащие и сотрудники силовых структур, подвергающиеся значительному стрессу во время службы и после выполнения задания. Феномен суицида среди данной категории лиц малоизучен, а результаты внутриведомственных исследований не подлежат широкой огласке в силу закрытости военных и силовых ведомств. В связи с тем, что количество граждан, исполняющих свои профессиональные обязанности и находящихся в условиях стрессовой ситуации в период с 2022 года значительно увеличилось, а также по причине выпадения из зоны внимания психиатров, неврологов ветеранов боевых действий (отсутствие своевременной и качественной диспансеризации), актуальность настоящей тематики снова выходит на первый план в разработках современных гелертеров. Именно поэтому задача настоящей работы связать между собой теорию и практику, с целью выработки практических рекомендаций, нацеленных на своевременную защиту психического здоровья людей в погонах и их семей.

В связи с этим, мы предлагаем к обсуждению проблему суицидального поведения, изложенную на основе комплексного междисциплинарного исследования, находящегося на стыке криминологии, уголовного права, военного права, психиатрии и неврологии.

Ход и результаты исследования

«Уйти через запасную дверь» именно так многие суицидологи называют самоубийство, а точнее процесс самостоятельного принятия решения о прекращении жизненного цикла. Право на смерть не закреплено в Конституции РФ [17], это свидетельствует о том, что государство выбрало курс на сохранение высшей ценности своих граждан – жизни. Уголовный закон РФ содержит нормы в ст. 110 УК РФ (Доведение до самоубийства), ст. 110.1 УК РФ (Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства), ст. 110.2 УК РФ (Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства) направленные на пресечение преступной деятельности, связанной с незаконным вмешательством в психическую деятельность человека и имеющей своей целью ликвидацию человека.

К сожалению, суицидология, до настоящего времени не разработала оптимальный вариант термина, обозначающего причинения себе смерти вследствие его осознаваемого рискованного поведения (действия или бездействия) [5].

Многие зарубежные исследователи считают, что на суицид влияет взаимодействие множества биологических, клинических, психологических, социальных, культурных и факторов окружающей среды. Риск самоубийства является результатом взаимодействия между предрасполагающим и провоцирующим фактором. Одним из таких примеров является биопсихосоциальная модель самоубийства, которая описывает взаимодействие генетических, эмпирических, психологических, клинических, социологических факторов и факторов окружающей среды в развитии риска самоубийства. Хотя в процессе развития склонности к суициду может быть задействовано любое количество этих факторов, их относительная связь с риском самоубийства сильно варьируется в зависимости от индивидуальных особенностей личности и может быть опосредована различными факторами [23, 24, р.74].

Армия как сообщество профессионалов, обученных воинскому ремеслу, обладает набором социально-правовых и межличностных отношений, свидетельствующих о наличии иерархии служебных рангов, стабильностью кадров. Обеспечение безопасности государства связано с жесткой регламентацией закрытости военной системы, аналогичными признаками обладают структуры МВД, ФСБ, СВО и др.

К факторам суицидального риска среди военнослужащих, по мнению В.А. Табурца, В.М. Никифорова следует отнести: 1) условия семейного воспитания, 2) особенности поведения и личностные факторы, в том числе жалобы на нервно-психическое здоровье, черепно-мозговые травмы, нейроинфекции, депрессии, 3) биографические характеристики [19].

Действительно в основе суицидального поведения лежат стрессовые ситуации, обусловленные спецификой профессиональной деятельности – постоянный контроль за внешними обстоятельствами, высокоинтенсивные физические тренировки, длительный контакт с оружием, чувство ответственности перед командирами, сослуживцами, применение законного насилия к преступникам при задержании, разработка и задержание террористов, экстремистов, охрана должностных лиц и т.д.

Второй причиной самоубийств, после стресса, являются конфликты. Разногласия между «молодыми» и «старослужащими» солдатами и офицерами, имеют более личностный характер, находятся в области определения официальной и интуитивной иерархии. В связи с этим надо отметить, что командир с психопатическими наклонностями и поведением представляет собой постоянную опасность для военной дисциплины, и как следствие дестабилизирует психическое состояние подчиненных. Опрошенными нами офицеры, работающие в сфере обеспечения государственной безопасности, определили принципиальное несогласие с действиями командира как одно из ярких побуждений к самоубийству. Грубое поведение начальника при высоком положении кривой стресса Селье может привести к аффективному состоянию. Особенно опасно такое состояние во время несения караульной службы, во время захвата преступника, и в случае внеочередной физической нагрузки.

Не следует забывать и о том, что для военнослужащих так же характерны суицидальные игры по принципу «русская рулетка», «автоцид», а также суициды по типу «чести офицера».

Все это требует особого внимания к так называемым вопросам изучения взаимодействия специфических психических функций человека через определение высших психических функций (ВПФ).

Первая попытка исследования ВПФ была предпринята в 1930 году советским психологом Выготским Л.С. Основу топико-нейропсихологии человека в мире в целом создал А.Р. Лурия, когда в период с 1942 года по 1943 год работал в тыловом нейрохирургическом госпитале. Глобальный вклад в систематизацию и развитие вопросов психофизиологии и нейропсихологии мозга в аспектах рассматриваемой нами темы внесла Е. Д. Хомская, благодаря созданной ей концепции, мозг в настоящий момент рассматривается как многоуровневая, иерархически организованная система, состоящая из взаимосвязанных компонентов – мозговых структур, детерминирующих психическую жизнь человека, а головной мозг является органом интеграции

психических процессов и организации активного взаимодействия человека с окружающей средой [22].

Ключевым моментом понимания нейропсихологии поведенческих процессов, происходящих в мозговой структуре, является топическая основа. В нейропсихологии доказательным результатом являются морфофункциональные процессы, полученные чаще в результате биопсии, нейрохирургической операции и т.д. По локализационному принципу проявления дисфункции симптоматика разделяется на очаговую, подлежащую (по соседству), и отдаленную – вторичное поражение, по функциональному механизму и этапности на раздражение (усиление проявлений) и выпадение (угасание) [6]. Учитывая то, что каждый человек имеет свою индивидуальность, которая связана с генетическими, психологическими психоорганическими и другими особенностями то логично предложить рассмотрение функционирования высшей психической деятельности мозга не с точки зрения выпадения или ирритации психологической функции, а с позиции физиологической акцентуации характерологического признака.

Основываясь на каноническом утверждении Карла Леонгарда о том, что внутренняя психологическая структура личности является постоянной и неизменной стержневой основой на протяжении всей жизни человека, что позволяет предсказывать поведение и поступки в различных жизненных ситуациях у данного типа личности [13].

При рассмотрении материала остановимся только на особо значимых аспектах топической нейрофизиологии поведения.

Первое ранговое значение по выраженности проявлений занимает зона орбитофронтальной коры лобных долей головного мозга (преимущественно правой доли), которая содержит нейронные связи с медиальными ядрами таламуса, что обеспечивает эмоциональное участие во время принятия решений – «внутреннее согласование» суждений [12]. По данным ЭЭГ в этот момент происходит активация зоны орбитофронтальной коры. Установлено, что нарушение в структуре собственных нейронных связей орбитофронтальной коры приводит к поведенческо-эмоциональным и когнитивным расстройствам.

Структурно-функциональные связи орбитофронтальной коры с субкортикальными лимбическими структурами – гиппокампом и миндалевидным телом обеспечивают регуляторные процессы состояния спокойствия-тревожности.

У детей в рамках задержки психического развития – запаздывание формирования связей орбитофронтальной коры (или в случаях психо-органического фактора) с отделами мозга различного уровня отмечаются признаки дефицита внимания и гиперактивность, при этом страдает мотивационная способность и критическая оценка к поощрениям, что становится серьезной проблемой адаптационного воспитания [20]. Учитывая, что подростками не всегда успешно преодолевается психоэмоциональный порог пубертатного созревания, то у молодых солдат, мы можем отчетливо наблюдать разного рода дезадаптационные симптомы.

В определенных ситуациях орбитофронтальная кора обеспечивает участие в процессе сомнений или принятия решений, а при нарушении связей со стриато-таламической областью появляется патологическое стремление к потреблению психоактивных веществ.

Наиболее типичным психологическим портретом личности, которая имеет проблемы, связанные орбитофронтальной зоной коры лобной доли характеризуются следующими девиациями (синдром лобной доли).

В том числе имеет место незрелость психики военнослужащего, что проявляется отсутствием способности самостоятельно принимать решения, наивностью и инфантилизмом не соответствующей возрасту, пуэрилстическим поведением в обществе – поведение капризного ребенка, несоответствие внешнего вида паспортному возрасту, при этом молоджавость может сохраняться на протяжении всей жизни [18].

Эмоциональной неустойчивостью с перепадами настроения по малозначительным причинам с изменением фона настроения от резко пониженного к резко повышенному, при этом эмоциональная лабильность варьирует от эйфорического веселья до слезливости [1].

Импульсивностью – склонностью к непреднамеренным действиям без учета их последствий, то есть личностная реакция предрасположена к различным действиям, без четкого осознания возможных последствий степени вреда, как для самого себя, так и для окружающих. Очень часто в основе импульсивного побуждения лежит гедонистическая мотивация, что связано с классическим мотивационным принципом, согласно которому мотивация относится к влиянию рецепторов удовольствия человека, на его готовность двигаться к цели или от угрозы приближаясь к удовольствию. В большинстве случаев гедонистическая мотивация является причиной искаженной поисковой активности, которая в условиях сложных неопределенных результатов будущего способствует проявлению поведенческой реакции, направленной не на решение ситуационных условий, а на приспособление к ним в ущерб социальному достоинству личности. В этой связи, опасность для окружающих будут представлять военнослужащие, которые испытывают чувство удовольствия от применения насилия и оружия, причем это состояние может постепенно «пробуждаться» у человека по мере возрастания интенсивности военной нагрузки, так называемый «инстинкт хищника».

Вместе с тем, возможны варианты рискованного поведения, которое носит характер добровольного принятия элементов риска для здоровья или жизни и содержит элементы достижения определенной цели и неочевидный баланс положительных и отрицательных исходов, субъективно воспринимаемые как значимые [3]. Отсутствие надлежащего контроля за сотрудниками со стороны командира, нередко приводит к спонтанному применению оружия как в отношении третьих лиц, так и в плане реализации суицидальной попытки [16].

В социальном плане возможны варианты наличия социально-эмоциональной агнозии или экспрессивной агнозии, которая проявляется неспособностью воспринимать мимику, язык тела и интонацию голоса. Человек с этими расстройствами неспособен вербально воспринимать эмоции других людей в социальных ситуациях, ограничивая нормальные социальные взаимодействия. Кроме того, отмечается феномен моральной апраксии, которая в свою очередь проявляется фрагментарностью восприятия: отсутствием навыков контроля мимических мышц лица; затруднением соотношения применения предметов и рода деятельности, где они должны задействоваться; недостаточностью навыков координации пальцев рук и кисти, особенно это заметно при письме или рисовании элементарных элементов.

При дисфункции дорсалатеральной префронтальной коры можно наблюдать следующие проявления слабость характера, несоответствие действий с осознанными ценностями, склонностью подчиняться обстоятельствам, советам и приказам других людей, уклоняться от опасностей, сложностей жизненных ситуаций. Кроме того, в психологическом аспекте при данной локализации процесса можно наблюдать явления конформизма «подобие» – это вариант следование личности правилам, установкам и нормам группы, под влиянием реального или воображаемого давления. В дополнение к портрету можно добавить суггестивность «внушение» – это процесс повышенной внушаемости в результате психического воздействия другой личности и подражательность – имитационность – индивидуально-психологическое свойство, проявляющееся в готовности делать что-либо в соответствии с каким-нибудь образцом, в старании воспроизводить то, что делается другими [14].

Вместе с тем возможны и более редкие проявления состояния такие как психотический синдром, который проявляется бессердечностью по отношению к окружающим, сниженной способностью к сопереживанию, неспособностью к искреннему раскаянию в причинении вреда другим людям, лживость, эгоцентричность и поверхностность эмоциональных реакций. Данный синдром при этом сопровождается наивностью – сниженной способностью оценивать окружающие события с критической точки зрения, неумение правильно истолковывать мотивы поведения людей и причинно-следственные связи возникающих событий на фоне сниженного внимания – неспособности сконцентрироваться на определенном предмете, задаче, стимуле.

Следующей зоной активности, порождающей нестабильность эмоционального состояния, с точки зрения топико-анатомических связей является префронтальная кора, которая имеет двусторонние связи со всей новой корой, за исключением первичной моторной и чувствительной коры, с префронтальной корой другого полушария (через колено мозолистого тела), а

также с медиодорсальным ядром таламуса. Префронтальная кора у людей насчитывает большое количество связей с различными отделами головного мозга, которые обеспечивают функционирование когнитивных функций, таких как абстрактное мышление, принятие решений, предсказывание последствий определенных действий, социальное поведение [12], [11].

Дорсолатеральная префронтальная кора (ДЛПФК) связана со многими нервно-психическими функциями человека, играет основную роль в познании, управлении рабочей памятью, когнитивной гибкостью и планированием, ее также называют «надзорной системой внимания», участвует в любой когнитивной деятельности и необходима для любого сознательного обучения. Во время сознательного обучения она управляет рабочей памятью, вычленив нужные в данный момент знания и удерживая их в сознании для последовательной обработки. Медиальная префронтальная кора также образует связи со структурами мозга, отвечающими за слух и речь.

Орбитофронтальную кору часто называют «корковым представительством лимбической системы», поскольку она имеет широкие связи с миндалевидным телом, перегородкой мозга и корой височной доли, тремя частями лимбической системы. В целом левая префронтальная кора больше отвечает за реакции «сближения», например, за любые действия, связанные с языком, в том числе и за «внутреннюю речь», которая сопровождает практически все исследовательские поведенческие реакции. Правая префронтальная кора отвечает за реакции «убегания», она особенно активна во время встречи с опасностью, реальной или воображаемой.

Объединяющей и обеспечивающей структурой поведенческих процессов человека является лимбическая система, которая имеет большое значение в эмоциональных реакциях, процессе внимания, памяти, регулирует сон и бодрствование. В лимбическую систему входят образования обонятельных путей, гиппокамп, зубчатая извилина, прозрачная перегородка, миндалевидное тело, передние ядра гипоталамуса [8].

Обонятельный путь – единственный чувствительный путь, который достигает коры большого мозга, минуя таламус, выполняя особые функции в организме: формирование общих состояний бодрствование – сон мотивирование поведения, а также принимает участие в развертывании осей стресса, обучения, памяти. Часть волокон медиальных полосок достигает коркового ядра анализатора, которым является парагиппокампальная извилина, которая связана с формированием эмоций. Префронтальная кора обеспечивает в планирование сложного когнитивного поведения, проявления личности, принятия решений и регулирование социального поведения, а орбитофронтальная кора участвует в принятии решений. Другая часть аксонов достигает подкорковых центров обоняния, которыми являются сосцевидные тела – два образования, лежащие впереди от заднего продырявленного вещества, сзади от серого бугра, в основании гипоталамуса непосредственно за гипофизом. Сосцевидные тела являются подкорковым центром обоняния. Они, наряду с передним и медиальным ядрами таламуса, принимают участие в формировании памяти и обеспечивают контроль эмоционального и сексуального поведения [9].

Гиппокамп – часть лимбической системы головного мозга (обонятельного мозга) и гиппокамповой формации. Участвует в механизмах формирования эмоций, консолидации памяти (перехода кратковременной памяти в долговременную), пространственной памяти, необходимой для ориентации, удерживает внимание. В топико-анатомическом плане гиппокамп включает в себя зубчатую извилину, которая обеспечивает формирование новых эпизодических воспоминаний, спонтанное исследование новых условий и благодаря нейронным связям с различными отделами мозга обеспечивает согласование поведенческих реакций в реальном периоде событий. Гиппокамп в целом обеспечивает функционирование кратковременной памяти и процессов ориентации. Развитие грубых дисфункций наблюдается только случае двухстороннего повреждения, которые проявляются антероградной амнезией и невозможность формирования новых долговременных воспоминаний.

Правый и левый гиппокампы связан комиссуральными нервными волокнами, проходящими в спайке свода головного мозга. Спайка наряду с мозолистым телом относится к числу наиболее важных межполушарных соединений, в результате её дисфункции наблюдаются серьезные

нарушения в обучении процессах воспоминания, нарушается эпизодический компонент памяти – интегрирующей процесс «что и где», пространственных местоположений и маршрутов. Общеустановленно, что гиппокамп и гиппокамповая формация, участвует в хранении и обработке пространственной топографической информации, что необходимо для решения простейших задач, требующих топографической памяти. Исходя из этих особенностей, гиппокамп обеспечивает процесс запоминания и кодирования окружающего пространства, при необходимости он активируется, когда необходимо удержать в фокусе внимания внешние ориентиры для определения вектора поведения. Одной из уникальной функции гиппокампа является забывание информации, этот процесс обусловлен тем, что гиппокамп фильтрует информацию и выбирает то, что нужно сохранить и то, что можно забыть. Кроме того считается, что зубчатая извилина способствует формированию воспоминаний и играет существенную роль в формировании эмоционального фона и депрессивного состояния.

До настоящего времени нет единого мнения в вопросах о роли гиппокампа во взаимосвязи память – обучение [6]. В целом считается, что обеспечение формирования новой памяти, обусловлено долговременным потенцированием синаптических связей после повторной стимуляции, предполагается, что новые воспоминания могут преимущественно использовать новообразованные гранулярные клетки зубчатой извилины, тем самым обеспечивая потенциальный механизм для различения множества случаев похожих событий. Общеизвестно, что зубчатая извилина служит единицей предварительной обработки (для разделения паттернов) информации, тогда как гиппокамп (*cogni Ammonis* – CA3) активируется при возникновении различий в ранее виденном контексте и участвует в кодировании, хранении и извлечении из памяти. В случае поступления информация по перфорационному пути, зубчатая извилина разделяет очень похожую информацию на отдельные и уникальные детали, что гарантирует то, что новые воспоминания кодируются отдельно без ввода из ранее сохраненных воспоминаний с аналогичной функцией, и подготавливает соответствующие данные для хранения. Разделение паттернов позволяет отличать одно воспоминание от сохраненных других воспоминаний. Гранулярные клетки в зубчатой извилине обрабатывают сенсорную информацию, используя «соревновательное» обучение, и передают предварительное представление для формирования полей места. Поля местоположения чрезвычайно специфичны, поскольку они способны переназначать и регулировать частоту срабатывания в ответ на тонкие изменения сенсорного сигнала. Эта специфика имеет решающее значение для разделения паттернов, поскольку она отличает воспоминания друг от друга. Патология данной зоны неизбежно приведет к исчезновению разницы между фокусируемыми событиями, в том числе к возникновению вероятности восприятия мирного времени как военной операции.

Следующей формацией лимбической системы, отвечающий за компоненты поведения является прозрачная перегородка. Прозрачная перегородка в топоико-анатомическом аспекте представляет собой тонкую треугольную вертикальную двойную мембрану, разделяющая боковые желудочки головного мозга. Прозрачная перегородка является местом расположения септальных ядер. Ядра перегородки имеют отношение к формированию эмоций – их рассматривают как структуру, снижающую агрессивность и страх. От ядер берет свое начало поводяково-межжолковый путь (пучок Мейнерта), который образует синапсы с нейронами межжолкового ядра ретикулярной формации. Принято считать, что межжолковое ядро вместе с нейронами голубого пятна принимает участие в регуляции цикла торможения и тонизации (сна-бодрствования). Достаточно сильная иррадиация данной зоны позволяет солдату долго не спать, выдерживая затяжные марш-броски.

Миндалевидное тело – область мозга миндалевидной формы, находящаяся в белом веществе височной доли полушария и отвечает за функционирование памяти, принятие решений и эмоциональных реакций, формирование эмоций в частности страха, при синдроме Урбаха – Вите (поражение миндалевидного тела) наблюдается отсутствие страха.

Установлено, что правое и левое миндалевидные тела отличаются по функциям. Правые миндалины вызвали негативные эмоции, преимущественно страх и грусть, тогда как левые

миндалины вызывают положительные эмоции – счастья самоощущения и редко отрицательные. Правое и левое миндалевидное тело имеют автономные системы памяти, но функционируют совместно для хранения, кодировки и интерпретации информации об эмоциях. Правое полушарие ассоциировано с негативными эмоциями оно играет роль в выражении страха и генерации стимулов, провоцирующих страх. Закрепление страха, при котором нейтральный стимул получает неприятную окраску, контролируется правым полушарием.

Поясная извилина – это кортикальная часть лимбической системы, которая проходит вдоль боковых стенок борозды, разделяющей два полушария головного мозга, обеспечивает, обрабатывает данные из таламуса и новой коры, передаёт информацию в энторинальную кору посредством ассоциативных волокон пояса. Являясь важной составной частью лимбической системы, отвечает за формирование и обработку эмоций, обучение и память, объединяет результаты поведения с мотивацией (если какое-то действие вызвало позитивную эмоциональную реакцию, это способствует лучшему обучению). Она также определяет, начало действий, а её нарушения вызывают навязчивые мысли, нерешительность и невозможность найти решение, играет важную роль в возникновении расстройств депрессии [21; 7].

Надо отметить, что обозначенные структуры [2] активно участвуют в организации поведения, которое требуется для выживания организма в целом в ответ на изменение внутренней среды организма в различных условиях внешней среды, и связан с такими функциями, как память, эмоции, поведение, размножение, забота о потомстве и т.д. С позиции активной деятельности военнослужащего это крайне важно, так как позволяет максимально эффективно исполнять боевую задачу [19].

Выводы

Итак, профессиональная деятельность военнослужащих и сотрудников силовых структур напрямую связана с необходимостью социализации в крайне специфичных условиях, обусловленных жестким каркасом норм военного права, и включающая в себя ориентацию на ценность защиты государства и его граждан, жесткий характер уставных отношений, внутренний контроль со стороны системы собственной безопасности [10; 15].

Суицидальные реакции, снижение или утрата ценности своей или чужой жизни не могут появиться вне связи с личностными и морфофункциональными особенностями человека [4]. На сегодняшний день обе составляющих могут быть исследованы, что приведет к исключению сотрудника с явным суицидным поведением из профессионального коллектива. В армии работают как психологи, так и профайлеры, однако их деятельность осуществляется в отрыве от комплексного неврологического исследования потенциального самоубийцы, которое должно начинаться еще на этапе определения годности к службе в военных и силовых ведомствах. Не следует забывать и о том, что личностные особенности могут проявиться после того, как сотрудник попадает в так называемые гибридные отношения, то есть отношения, основанные на базовых потребностях личности, но существующие в условиях повышенной ответственности перед обществом.

Поведенческая реакция человека это сложный много факторный психический компонент взаимодействия с внешней окружающей средой, определяемый сложным функционированием как морфофункциональных центров, так и связями между ними, а также гуморальными и гормональными и другими процессами. Немаловажную роль играет и накапливаемый жизненный опыт, который акцентирует имеющиеся у человека характерологические признаки личности и черты характера. Исходя из этого можно с большой долей уверенности утверждать, что морфофункциональная основа поведения – это стойкая категория характерна для каждой конкретной личности, а, следовательно, является основой поведенческих реакций в любых жизненных ситуациях и является предсказуемой. В случаях необоснованных поведенческих девиаций необходимо выявления причин, приведших к такому срыву. В психопатологии наиболее типичными являются: длительный истощаемый эмоциональный негативный фактор, запредельный

по раздражению стресс, разрушающий защитный пороговый барьер, или дебют эндогенного процесса.

При планировании боевой и специальной подготовки личного состава следует предусматривать комплекс мер по повышению психологической устойчивости каждого сотрудника, мероприятия по психологическому тренингу военнослужащих, научению психологической само и взаимопомощи.

Профилактика суицидов в армии и силовых структурах обязана носить комплексный и системный характер. Отсутствие должного внимания к одиночному факту самоубийства приведет к череде правонарушений и преступлений среди личного состава. Следует отметить, что диапазон преступных деяний не будет ограничиваться только военными преступлениями, так как бойцы контактируют с гражданским населением и со своими семьями. Особенно опасны так называемые посттравматические синдромы, когда бывший сотрудник остается один-на-один со своими психологическими проблемами. Личностные девиации – это не только проблемы психиатрии или неврологии, в случае выхода за общественно-принятые границы поведения, мы гарантированно получаем самоубийцу либо личность, склонную к совершению насильственных преступлений. Следовательно, вопросы криминологической профилактики должны базироваться на данных психологического, неврологического, профайлингового и специальных методах обследования, применяемых в спортивной медицине.

Библиография

1. Абрамцев И.И. Нейрохимические и нейрофизиологические механизмы депрессивного синдрома // Междунар. неврол. журн.; МНЖ. 2012. №5 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neyrohimicheskie-i-neyrofiziolicheskie-mehanizmy-depressivnogo-sindroma> (дата обращения: 06.08.2023).
2. Артымук Н.В., Ушакова Г.А. Современные представления о гипоталамическом синдроме // Мид. 2001. №1 (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-predstavleniya-o-gipotalamicheskom-sindrome> (дата обращения: 06.08.2023).
3. Быкова С.В. Склонность к риску как устойчивое свойство личности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sklonnost-k-risku-kak-ustoychivoe-svoystvo-lichnosti> (дата обращения: 06.08.2023).
4. Ваулин С. В., Алексеева М. В. Дифференцированный подход к диагностике и терапии суицидального поведения // ВНМТ. 2009. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/differentsirovannyi-podhod-k-diagnostike-i-terapii-suicidalnogo-povedeniya> (дата обращения: 06.08.2023).
5. Гизатуллина А.А. Социальные факторы суицидального риска в военных организациях. Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015. 252 с.
6. Горбатикова М.К. Регуляторные механизмы ЦНС на уровне промежуточного мозга // Шаг в науку : сборник статей по материалам III научно-практической конференции института естествознания и спортивных технологий, Москва, 20 декабря 2019 года. – Москва: Московский городской педагогический университет, 2019. – С. 303-306.
7. Гусев Е. И., Боголепова А. Н. Роль процессов нейропластичности в развитии депрессивных расстройств // Трудный пациент. 2010. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-protsessov-neyroplastichnosti-v-razviti-depressivnyh-rasstroystv> (дата обращения: 06.08.2023).
8. Жуковец И.В., Быстрицкая Т.С., Конеева Е.Я., Путинцева О.Г. Этиология и патогенез дисфункции гипоталамуса: современный взгляд на проблему (обзор литературы) // Бюл. физ. и пат. дых. 2011. №42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etiologiya-i-patogenez-disfunktsii-gipotalamusa-sovremennyy-vzglyad-na-problemu-obzor-literatury> (дата обращения: 06.08.2023).
9. Забродин Ю.М. Психология организации поведения субъекта // Южно-российский журнал социальных наук. 2010. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-organizatsii-povedeniya-subekta> (дата обращения: 06.08.2023).

10. Иванова О.П., Мамедова Л.В. Профилактика суицидального поведения военнослужащих // Управление образованием: теория и практика. Том 12 (2022). №8. С. 195 – 202.
11. Ишунина Т.А. Морфология ядрышек нейронов туберомамиллярного ядра гипоталамуса при сосудистой деменции // Морфологические ведомости. 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/morfologiya-yadryshek-neyronov-tuberomamillyarnogo-yadra-gipotalamusa-pri-sosudistoy-dementsii> (дата обращения: 06.08.2023).
12. Ишунина Т. А. Нейроглиальный индекс в ядрах переднебазального мозга и гипоталамуса при болезни Альцгеймера и сосудистой деменции // Человек и его здоровье. 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neyroglialnyy-indeks-v-yadrah-perednebazalnogo-mozga-i-gipotalamusa-pri-bolezni-altsgeymera-i-sosudistoy-dementsii> (дата обращения: 06.08.2023).
13. Калинина Т.В., Кудачкин Д.А. Феномен прокрастинации: современные исследования // Приволжский научный вестник. 2016. №11 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-prokrastinatsii-sovremennye-issledovaniya> (дата обращения: 06.08.2023).
14. Кашапов Ф.Ф. Особенности биологии миндалевидного комплекса при тревоге и агрессивности // Эпоха науки. 2017. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-biologii-mindalevidnogo-kompleksa-pri-trevoge-i-agressivnosti> (дата обращения: 06.08.2023).
15. Кудрявцев И.А. Профилактика суицидального поведения у военнослужащих РФ // Российский психиатрический журнал. 2010. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-suitsidalnogo-povedeniya-u-voennosluzhaschih-rf> (дата обращения: 06.08.2023).
16. Розанов В.А. Самоубийства в вооруженных силах – суицидологический анализ // Суицидология. 2020. №4 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoubiystva-v-vooruzhennyh-silah-suitsidologicheskij-analiz> (дата обращения: 06.08.2023).
17. Романовский Г.Б. О праве на самоубийство // Гражданин и право. 2016. №8.
18. Сабельникова Е.В., Хмелева Н.Л. Инфантилизм: теоретический конструкт и операционализация // Образование и наука. 2016. №3 (132). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/infantilizm-teoreticheskij-konstrukt-i-operatsionalizatsiya> (дата обращения: 06.08.2023).
19. Табурц В.А., Никифоров В.М. Факторы суицидального поведения сотрудников внутренних дел // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. №2 (24).
20. Умрюхин А. Е. Нейромедиаторные гиппокампальные механизмы стрессорного поведения и реакций избегания // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2013. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neyromediatornye-gippokampalnye-mehanizmy-stressornogo-povedeniya-i-reaktsiy-izbeganiya> (дата обращения: 06.08.2023).
21. Чернышева Н.А. Прокрастинация: актуальное состояние проблемы и перспективы изучения // Вестник ПГГПУ. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2016. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prokrastinatsiya-aktualnoe-sostoyanie-problemy-i-perspektivy-izucheniya> (дата обращения: 06.08.2023).
22. Хомская Е. Д. Нейропсихология. СПб.: Питер, 2005. 496 с.
23. Modhurima Moitra, Damian Santomauro, Louisa Degenhardt, Pamela Y. Collins, Harvey Whiteford, Theo Vos, Alize Ferrari Estimating the risk of suicide associated with mental disorders: A systematic review and meta-regression analysis // Journal of Psychiatric Research 137. 2021. P. 242–249.
24. Turecki, G., Brent, D. A., Gunnell, D., O'Connor, R. C., Oquendo, M. A., Pirkis, J. and Stanley, B. H. Suicide and suicide risk // Nature Reviews Disease Primers. 2019. №5.

CRIMINOLOGICAL AND MORPHOFUNCTIONAL BASES OF SUICIDAL BEHAVIOR OF MILITARY PERSONNEL AND LAW ENFORCEMENT OFFICERS

Galyukova M.I., Galyukov I.A.

Ural State University of Physical Culture

Abstract

The morphofunctional basis of behavior is one of the most complex topics of neuropsychology. Knowledge of neurotopography and its relationship with the psychological processes of higher nervous activity allow not only to assess the characterological characteristics of a person with great accuracy, but also to expand knowledge about human capabilities in general. In practical terms, knowledge of morphofunctional aspects of psychology makes it possible to better understand the accentuation of personality and deviation, and in some cases, when changing the character and behavior of a person, to determine the emerging pathology in the central nervous system. Of particular importance is the study of human behavior in predicting the risk of suicide. The profile of suicidal behavior among military personnel and employees of law enforcement agencies has not only socio-legal, but also criminological significance. Preventive concentration of attention on small stigmas of human behavior can not only timely diagnose gross neurological or psychiatric.

Keywords

suicide, military personnel, power structures, mental health, crime, morphofunctional basis of behavior, localization of functions, areas of the orbitofrontal cortex, limbic system, hippocampal formation, synaptic connections, emotions, memory